

ВОРОТА В КУРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

И.С. Климас

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
e-mail: iklimas@mail.ru

С.П. Праведников

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка
e-mail: spprav618@mail.ru

Курский государственный университет

Статья посвящена описанию особенностей лексической репрезентации концепта ВОРОТА в записях курских народных сказок и курской необрядовой лирики в сопоставлении с лирическими песнями других регионов – архангельскими, олонецкими, сибирскими. Составлены концептограммы, демонстрирующие своеобразие синтагматических связей и ассоциативных сближений лексемы-вербализатора ворота с другими словами в народных песнях. Доказано, что общее содержание концепта ВОРОТА в русском фольклоре – «граница», однако его основной функцией в эпическом жанре является семиотическая (разделение «своего» и «чужого» пространства), в лирике – символическая, связанная с наличием характерных действий и ситуаций. На фоне общеславянских и общезанровых тенденций выявлена специфика в реализации концепта в курских народных сказках и песнях, обусловленная местом фиксации текста.

Ключевые слова: фольклорная языковая картина мира, концепт, лексическая репрезентация концепта, коннотация, семиотическое и символическое содержание.

Концепт ВОРОТА в фольклорной языковой картине мира играет значимую роль. Это своего рода показатель границы фольклорного локуса. Известно несколько таких объектов – символических разделителей «своего» и «чужого» пространства. Так, ОКНО ограничивает самое защищённое, близкое пространство – дом. ПОЛЕ, наоборот, отделяет наиболее значительное по объёму «освоенное» пространство – населённый пункт, родную деревню – от далёкого пугающего леса; неслучайно лес в народной лирике имеет постоянный эпитет *тёмный*. Таким образом, ВОРОТА как бы вписываются в систему условных границ, оберегая «свой» двор, «своё» хозяйство от «чужого» как непознанного, несущего угрозу (*Пойдет беда – растворят ворота* [Даль: 1: 245]).

Мы поставили перед собой задачу рассмотреть характеристики данного концепта в произведениях курского фольклора, с тем чтобы выявить одну из возможных локальных традиций. Изучение содержания и роли того или иного концепта – надёжный путь постижения национального языкового сознания. Например, своеобразие концепта

СТАРЫЙ в устно-поэтической речи ранее было проанализировано М.А. Бобуновой и И.С. Климас [Бобунова, Климас 2019; 2020]. Территориальную специфику языка русского фольклора анализирует С.П. Праведников [Праведников 2010].

Материалом для исследования послужили записи курских народных песен из свода А.И. Соболевского [Соб.], лексикографически освоенные М.А. Бобуновой и А.Т. Хроленко в словаре конкордансного типа [Бобунова, Хроленко 2007]. Фоновым материалом для выявления территориальной специфики послужили конкордансы народной лирики других регионов: архангельского [Бобунова, Хроленко 2008], олонецкого [Бобунова, Хроленко 2009], сибирского [Бобунова, Хроленко 2010]. Курский фольклор представлен также сказками: записями Ф. Белкина [СБ] и текстами, выбранными из собрания А.Н. Афанасьева [Аф.]; на их основе созданы лексикографические комплексы [Праведников 2019₁, 2019₂].

Методика анализа состоит из следующих этапов: выявляется состав лексем, вербализующих концепт; рассматриваются их синтагматические связи, парадигматические отношения, функциональные особенности в тексте; данные сопоставляются с фоновым материалом.

Чтобы пролить свет на семантику концепта *ВОРОТА*, необходимо изучить лексикографические характеристики заглавной лексемы-репрезентанта.

Слово *ворота* в современном литературном языке является многозначным. В основном значении присутствуют семы 'ограждения', 'преграды': «Широкий вход или проезд, запираемый створами (в строениях, стенах, заборах), а также створы для запирания этого входа или проезда». Два зафиксированные в словаре производные значения квалифицируются как специальные, реализуемые в спортивной и медицинской («Место вхождения и выхода из какого-л. органа кровеносных и лимфатических сосудов») сферах. При этом ворота во всех значениях стабильно ассоциируются с локусом, а в характеристике спортивного понятия явно акцентирована сема 'защита': «Точно обозначенная защищаемая часть поля каждой из двух команд при игре в футбол, хоккей и т.п.» (подчёркивание наше – И.К., С.П.) [МАС: 1: 213]. Следовательно, в национальном языковом сознании с концептом связано представление о некоей замкнутой территории, ограниченной реально или потенциально, на которую возможно проникновение через вход – ворота, причём ворота чаще выполняют именно функцию защиты.

Дать понятие о восприятии какого-то объекта языковым сознанием народа помогают и сведения об этимологии слова. Лексема *ворота*, по данным словаря М. Фасмера, находит соответствия во многих европейских языках: древнепрусское *warto* означает «дверь», латышское *varti* – «ограда дома, двор, улица», албанское *vathë* – «ограда, двор, забор,

овчарня», тохарское *wārto* – «сад, роща», древнеиндийское *vrtiṣ* – «забор, ограда» [Фасмер: 1: 354-355]. Таким образом, везде присутствует сема 'локус' и во многих случаях подразумевается граница или защита локуса.

Безусловно, выделенные аспекты семантики не могли не повлиять на формирование устойчивого коннотативного ореола слова в фольклоре.

В записях курских сказок концепт вербализуется только словом *ворота*, его употребления немногочисленны. Надо отметить, что здесь явно создаётся впечатление о границе, связанное со «своим» и «чужим» пространством. «Свой» локус – это родной дом, в котором обитают герои, «чужое» – то, что находится за воротами, где герою чаще всего предстоят тяжёлые испытания.

Например, в известном сюжете сказки «Морозко» ворота фигурируют в повторяющейся ситуации возвращения героини из леса. В первом случае мачеха выгнала падчерицу из дома («за ворота»), её отвезли в лес («чужой», пугающий локус), где она замерзала. Однако за кротость и добрый нрав Мороз наградил девушку богатыми дарами, и она вернулась домой.

«Скрипнули ворота, растворились двери, несут сундук высокий, тяжёлый, идет падчерица – панья паньей сияет! Мачеха глянула – и руки врозь!» (Аф., № 96. Морозко).

Следующее изменение «своего» пространства на «чужое» произошло при других обстоятельствах. Корыстная мачеха решила отправить в лес за золотом-серебром родную дочь, но та не обладала такими достоинствами, как доброта и отзывчивость, поэтому рассердившийся Мороз её убил. Обратившись в дом через ворота привезли уже не богатую невесту, а «косточки в мешке».

«Старик, ступай, мою дочь привези, лихих коней запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!» А собачка под столом: «Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!» – «Не ври! На пирог, скажи: старухину в злате, в серебре везут!» Растворились **ворота**, старуха выбежала встретить дочь, да вместо ее обняла холодное тело. Заплакала, заголосила, да поздно! (Аф., № 96. Морозко).

Сюжет с похожей завязкой наблюдаем в сказке «Старуха-говоруха» (Аф., № 97). Там тоже злая мачеха требует увести падчерицу с глаз долой, «хоть в темный лес, хоть на путь на дорогу», а девушка в трудных обстоятельствах проявляет лучшие качества, за что получает дорогие подарки от хозяина леса – Лешего. Снова оказавшись дома, развешивает многочисленные подаренные ей вещи «на веревочке от избы до **ворот**». Таким образом, достойно проявив себя в условиях «чужого пространства», вознаграждённый персонаж с почестями возвращается в «своё». Эти сюжеты сближает и то, что героиня вновь появляется в родном локусе,

откуда была изгнана неродными людьми (мачеха, как правило, действует со своей дочерью или дочерьми и в их интересах).

Думается, что это важный момент в осознании фольклорной картины мира русских сказок: за границу (ворота) «своего» пространства герой изгоняется «чужими» персонажами, но, выдержав все испытания в «чужом» мире, возвращается обратно с почестями, а «чужие» посрамлены.

Кроме того, главная героиня, обычно обижаемая и обездоленная, много работает в своём доме, ухаживает за ним и его обитателями, а «чужие» этого никогда не делают и не ценят усилий героини. Как правило, дочери мачехи или хозяйки, ни к чему не приученные, бездельничают и ждут незаслуженных благ, не уделяя внимания домашним делам, не вникая в обиход. В курских сказках они проводят время «у ворот», обращаясь к «чужому» пространству:

*«А были у ее хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя – Двуглазка, а меньшая – Триглазка; но они только и знали у **ворот** сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала, их обшивала, для них и прjala и ткала, а слова доброго никогда не слыхала» (Аф., № 100. Крошечка-Хаврошечка).*

Вообще, как известно, в русском фольклоре многие значимые события происходят «у ворот»: *Здорово, здорово у **ворот** Егоровых, А у наших у **ворот** всё идёт наоборот; Как у наших у **ворот** Муха песенки поёт; Как у наших у **ворот**, Ой, люли, ой, люли, Стоял девок хоровод, Молодушек табунок* и т.д. Предложно-падежное сочетание *у ворот* представляется своеобразным формульным обозначением локуса, что подтверждают многочисленные примеры его употребления в разных фольклорных жанрах. Ср. в сказочном тексте, записанном в курском регионе:

*«Горько было царю-отцу глядеть на печальную дочь. Открывает он свои царские палаты для всех, кто пожелает быть его гостем. «Пускай, – говорит, – пытаются развеселить Несмеяну-царевну; кому удастся, тому она будет женою». Только это вымолвил, как закипел народ **у князьих ворот!** Со всех сторон едут, идут – и царевичи и князевичи, и бояре и дворяне, полковые и простые; начались пиры, полились меды – царевна все не смеется» (Аф., № 297. Несмеяна-царевна).*

Итак, в сказках *ворота* номинируют локус, главным образом его границу. Типичным случаем является разграничение «своего» и «чужого». Реже разделяется полностью «чужое» пространство, однако его разные зоны – несвободная и свободная. Так, в тексте из сборника Белкина повествуется о том, как змей похитил царских детей и держал их в своём жилище (несвободная «чужая» зона). Иван-царевич осуществил попытку

побега из дома змея: пространство за воротами можно рассматривать как тоже «чужое», но уже свободное.

*«Вот охота яво побегла уперет, он подходит к **воротам**. Вдруг змей разлетелся и хотел яво схватить. Охота бросилась, чуть-чуть яво не схватила»* (СБ, № 2. Иван-царевич и Марья-царевна).

В курских народных песнях, в отличие от сказок, концепт **ВОРОТА** связан, скорее, с реализацией не столько семиотической, сколько символической функции. Он представлен лексемами *ворота* (32 словоупотребления), *воротечки* (3), *воротня* (1), *воротца* (1). Кроме основного вербализатора концепта, остальные номинации являются диалектными [СРНГ: 5: 118-124], они низкочастотны в песенных текстах или единичны. Все лексемы многозначны; *воротца* практически полностью совпадает по семантике со словом *ворота* [СРНГ: 5: 124], а *воротечки* в «Словаре русских народных говоров» квалифицируется как ласкательное к *воротца* [СРНГ: 5: 119]. Слово *воротня* в третьем значении – это также ‘ворота’ [СРНГ: 5: 122], причем в качестве иллюстрации приводится пример курской лирической песни из сборника А.И. Соболевского.

Чтобы выявить истинное содержание концепта, составим концептограмму (термин А.Т. Хроленко [Хроленко 2013]) для основной его номинации в курской народной лирике.

Ворота (32)

А: *батюшкины* 1, *новые* 4, *новые кленовые решетчатые* 1, *тесовые* 1, *широкие* 3

С: *ворота-ворота* 1, *в. у бабушки* 2

Проп: *его* 1, *наши* 1, *свои* 1, *в. у меня* 1

V_o: <быть> (*сине море*) у в. 1, *велеть растворить* 1, *выйти за в.* 5, *выходить за в.* 1, *запирать* 1, *ночевать за в.* 1, (*не*) *отворить* 2, *отворять* 8, *пойти-выйти за в.* 1, *разливаться (разлив)* у в. 1, *разыграть (карагод)* супроти в. 1, *расстилатся (трава-мурава)* у в. 1, *спать за в.* 1, *стоять (бабий карагод, бабушка, душа красная девица, моя, озеро воды, хорошая пригожая)* у в. 7, *стоять (рябина)* у воротах 1

/.../: *ворота ... болота* 2, *ворота ... сокол* 1, *двор ... ворота* 1

Отметим, что изображение ворот в народной лирике не так схематично, как в сказке: ворота не просто являются знаком границы, разделяющей «свое» и «чужое» пространство, их описание более детализировано. Это позволяет осознать фиксацию синтагматических связей вербализатора концепта, а также парадигматических отношений, отражённых в составленной нами словарной статье.

О важной роли концепта **ВОРОТА** в песенной фольклорно-языковой картине мира свидетельствует наличие характеризующих определений,

среди которых наиболее употребительны параметрические атрибутивы *новые* и *широкие*. Подобные имена прилагательные употребляются в фольклорном тексте не столько с целью подробного описания реалии, сколько для идеализации объекта, это проявляется в их семантической избыточности. То же касается и указания на состав, материал предмета (*тесовые, кленовые*). Отмечены цепочки определений к слову *ворота*, например:

*«Выходила молода
За новыя ворота,
За новыя кленовыя,
За решетчатые...»* (Соб. Т. 2, № 76).

Обратим внимание на притяжательное прилагательное *батюшкины*, которое показывает связь с отчим домом, устоями родной семьи. Вообще, соотнесённость концепта *ВОРОТА* с образом *батюшки* в народной лирике демонстрируют и другие сопряжённые и ассоциативные конструкции. Вместо атрибутивной пары *батюшкины ворота* может использоваться несогласованное определение, выраженное субстантивом, – *ворота у батюшки*. Ассоциативный вертикальный ряд закрепляет связь *батюшкиного* и *своего*:

*«Разыграю карагод
Супроти своих ворот,
Супроти батюшкиных»* (Соб. Т. 4, № 108).

Слово *ворота* в курских песнях ни разу не употребляется в сочетании с субъектными глаголами, а вот многочисленные объектные глагольные связи дают возможность выделить несколько аспектов развития символического значения образа.

1. Исследователи славянской мифологии С.М. Толстая и Л.Н. Виноградова отмечают, что «открывание – закрывание ворот символизирует акт контакта с внешним миром» [Мифы, сказки и язычество славян]. Анализ нашего материала показывает существование целого ряда песенных ситуаций, связанных с этим действием.

- Самая распространённая из них – запираение ворот перед нелюбимым мужем. Изгнанный муж просит открыть ворота.

*«Я покрепче **ворота** заперала,
Посмелее с невежей говорила:
Ты ночуй, ночуй, невежа, за **воротами**...
Каково тебе, невежа, спать за **воротами**,
Таково-то мне, невежа, жить за тобою...»* (Соб. Т. 2, № 418).

*«Отворяй, жена, **ворота**,
Отворяй, жена, **широки**...»* (Соб. Т. 2, № 486).

- По другую сторону закрытых ворот может находиться и другой нежеланный персонаж, к которому не испытывают добрых

чувств. Например, в одной из курских песен героине, пригнавшей домашний скот, свекор не открывает ворота, требуя называть его батюшкой. Однако невестка не согласна с этим и даже обещает в ответ разрушить забор.

*«Отворяй, свекор, **ворота**,*

Успуцай своего живота!» (Соб. Т. 2, № 605).

Таким образом, в указанных ситуациях ворота – граница в личных отношениях, нежелание принимать какого-то человека.

• В некоторых случаях открытые ворота ассоциируются с нарушением границ родного дома, утратой чувства защищённости и надёжности, проникновения в жизнь героев негативных событий. Об этом очень проникновенно говорится в одной из курских песен:

«А кручинушка по двору ходит,

*А печаль **ворота** отворяет...»* (Соб. Т. 3, № 524).

В данном контексте слово *ворота* является изофункциональным для другого наименования привычного, освоенного пространства – *двор*. Здесь «ворота открывает» олицетворённый образ – печаль, а кручина уже «внутри». Однако в русских поговорках содержится указание на то, что если горе уже вошло внутрь, т.е. осознано, прочувствовано, его можно преодолеть: *Не велика беда, коли влезла в **ворота*** [Даль: 1: 245].

• Открывание ворот в фольклорной лирике часто символизирует готовность или неготовность вступить в любовные отношения. Обычно предложение исходит от молодца, а девица соглашается или отвергает его.

*«Отворяй **ворота**, встречай сокола...»* (Соб. Т. 5, № 110).

*«Девица, отворяй **ворота**...*

*Не отворю я, не отворю я **ворота**...»* (Соб. Т. 4, № 511).

2. Такую же открытость к любовным отношениям демонстрирует ситуация «Некто находится в воротах» – на этапе формирования новых социальных связей, перехода из родной семьи в другую. Как правило, «в воротах» (аналогично со словом *вороточки*) находится сама девица в реальном или символическом представлении, а также её сёстры, подруги.

*«У **воротах** рябина стояла* (Соб. Т. 4, № 43).

*Вот Марьюшка у **воротичках** стоит,*

Ивановна во широких столбовых» (Соб. Т. 4, № 510).

«Сестрицы-подружки

*У **воротичках** стоят...»* (Соб. Т. 5, № 450).

3. Выше в статье говорилось о своеобразной формульности обозначения локуса *у ворот* в сказочном жанре. В фольклорной лирике у ворот как порога выхода в «большой мир» чаще всего

помещаются персонажи, стремящиеся завязать отношения, – девица, реже – вдовушка.

*«Хорошая у **ворот** его стоит,
Пригожая у широких у **ворот**»* (Соб. Т. 4, № 509).

*«У **ворот** душа красна девица стоит»* (Соб. Т. 4, № 511).

*«... Не стоит ли и моя где у **ворот**...»* (Соб. Т. 6, № 39).

Стояние у ворот или выход за ворота – готовность к любви.

*«Встань-проснися, удовушка молода,
Пойди-выди за новыя **ворота!**»* (Соб. Т. 6, № 284).

Иногда у ворот стоит целый хоровод девушек (о концептуальном значении **ХОРОВОДА** в русском фольклоре см.: [Климас 2015]).

4. О связи локуса с любовной тематикой в народной лирике свидетельствует повторяющийся образ воды – неоднократно отмеченный исследователями символ любовного чувства.

*«У меня ли, молодой, сине море у **ворот**...»* (Соб. Т. 3, № 178).

*«Как у наших у **ворот***

Стоит озеро воды» (Соб. Т. 3, № 469).

*«У батюшки у **ворот***

Разлив разливается...» (Соб. Т. 4, № 107).

5. Звучит в курских песнях и мотив «чужого» локуса за воротами, сближающий поэтику жанра с народной сказкой. Яркий образ неосвоенного, отчуждённого пространства – болото (нередко вкупе с лугами, лесами, травой и т.п.)

*«Выйду, выйду за **ворота**: трава, что болото...»* (Соб. Т. 4, № 42).

*«Уж я выду за **ворота**: все луга, болота...»* (Соб. Т. 4, № 43).

*«Я болотцем-болотцем ко **воротцам**»* (Соб. Т. 5, № 398).

Ср. в курской сказке, в ситуации, когда выгнанную за ворота родного дома падчерицу старик везёт в лес:

«Дорога дальняя, трудная, все бор да болото» (Аф., № 97. Старуха-говоруха).

Итак, типовые атрибутивные и глагольные (объектные) связи, сопряжённость с определёнными словами в контексте позволяет судить о том, что в фольклорной лирике на первый план выходит символическое содержание концепта **ВОРОТА**. Это, прежде всего, выход к новым социальным контактам, за пределы привычной жизни в родительской семье (образ батюшки), готовность лирической героини к любви и браку.

Интересно сопоставить полученные наблюдения с другими песенными локальными традициями.

Архангельск	Олонец	Сибирь
<p>Ворота (16) <i>А: новые 1, новые кленовые решетчатые 1, чужие 1, широкие 1</i> <i>Проп: наши 2</i> <i>V_s: отпираться 1</i> <i>V_o: <быть> (батюшка) у в. 2, выходит за в. 1, жить (гулянице) у в. 1, запирать 1, отворять 1, отпереть 1, пойти-выйти за в. 2, приводить ко в. 1, приходит ко в. 1, стоять (девка, Дуня) у в. 2, стоять дожидать (любезный) у в. 1, стукнуть в в. 1</i></p> <p>Воротишки (1) <i>Я, сказавшись, что един, К воротикам подходил (Соб. Т. 3, № 334)</i></p>	<p>Ворота (14) <i>А: боярские 1, новые 1, сарайные 2, трохмальные 1, широкие 2</i> <i>V_s: <быть> (хрустального стекла) 1</i> <i>V_o: запирать 1, отворять 1, отпирать 1, повадиться ко в. 1, пойти-выйти за в. 1, посмотреть с в. 2, приходит ко в. 1, разлить (водку) на в. 1, сделать поворот у в. 1, стоять (мальчишечка) у в. 1, стучать у в. 1 стучать-гремять у в. 1</i> <i>/.../: столбы ... веревочки ... ворота ... подворотенки 1</i></p> <p>Воротечка (5) <i>V_o: отпереть 3, отпирать 2</i></p>	<p>Ворота (10) <i>А: новые 2, новые кленовые решетчатые 1, решетчатые 1</i> <i>Проп: те 1</i> <i>V_s: <быть> 1, <быть> (вальщеты) 1, <быть> (заперты) 1</i> <i>V_o: выйти за в. 1, отворять 4, проводить за в. 1 стоять (Ваня) у в. 1</i> <i>/.../: за ворота ... подале 1, изба ... ворота 1</i></p> <p>Воротичка (1) <i>Ко воротикам подходила... (Соб. Т. 5, № 649)</i></p>

Мы видим, что основным вербализатором концепта во всех регионах является лексема *ворота*, количество словоупотреблений которой в архангельских, олонецких и сибирских песнях в 2-3 раза меньше, чем в курских, хотя, возможно, это связано с объёмом текстов из собрания А.И. Соболевского, записанных в той или иной местности. Представлены экспрессивные суффиксальные образования, имеющие аналогичную семантику: *воротечка*, *воротичка*, *воротишки* [СРНГ: 5: 121]. Скорее всего, поскольку они имеют незначительные отличия в произношении, на форму их фиксации повлиял выбор собирателей фольклорного материала.

Сопоставительный анализ показал, что, наряду с несомненными общежанровыми тенденциями, локальные песенные традиции демонстрируют своеобразие в реализации концепта *ВОРОТА*. Так, в каждой местности используются оценочные определения, однако

наиболее специфичен их набор в олонечских песнях: *ворота* наделяются атрибутами *боярские*, *сарайные* и *трохмальные* (слово в известных диалектных словарях не обнаружено, возможно, это искажённое *крахмальный*). Только в архангельских текстах отмечено сочетание *чужие ворота*, что, несомненно, индивидуально, поскольку, как правило, в фольклоре изображаются ворота родного дома.

«*Дуня у чужих **ворот** стоит...*» (Соб. Т. 5, № 19).

Кроме того, в составе сказуемого в песнях Сибири употреблено прилагательное *вальящетые* – то же, что *вальяжные* в значении ‘массивный, крепкий, прочный’ или ‘изящный, искусно сделанный, обработанный, резной’ [СРНГ: 4: 33-34].

В ряде случаев рассмотренные выше аспекты семантики получают своеобразное воплощение. Так, запертые ворота в курских песнях – нежелание героини пускать домой ненавистного мужа; этот мотив усилен в олонечском фольклоре, где жена не только закрывает ворота, но и наблюдает с «сарайных ворот», как он тонет:

«*Посмотреть было с сарайных **ворот**,
Далеко ли мой любезный-ти плывет*» (Соб. Т. 3, № 136).

В архангельской лирике, наоборот, ревнивый муж запирает ворота изнутри, чтобы молодая жена не ушла на гулянку.

«*Он ревнует-то – беда,
Не спускает никуда,
Запирает **ворота**...*» (Соб. Т. 2, № 431).

Если в южнорусской традиции локус «у ворот» обычно связан с лирической героиней, женскими персонажами, то в северных и сибирских текстах – преимущественно с мужскими: молодец приходит к воротам девицы, стучится в них и вызывает её. Этот мотив в архангельской песне усилен не только символическим образом воды, водных объектов, но и конкретной символической ситуацией поения коня.

«*Что во этом озере
Молодец коня поил,
Ко **воротам** приводил...*» (Соб. Т. 4, № 169).

Очевидно, что общежанровой тенденцией является соотнесение охраны, защиты родного дома, его ворот с образом батюшки (в сказках, наоборот, чтобы угодить злобной мачехе, отец отвозит родную дочь в лес – «чужое» пространство за воротами).

«*Не кричи во весь народ:
Мой батюшка у **ворот**...*» (Соб. Т. 4, № 743).

В качестве общефольклорного момента при характеристике неосвоенного локуса за воротами как границей родного пространства надо отметить упоминание болота.

«*Пойду, выду я за **ворота** – все лужка, болота...*» (Соб. Т. 5, № 631).

Таким образом, исследование лексической репрезентации важного для фольклорной языковой картины мира концепта *ВОРОТА* в одной из локальных традиций – курских песнях и сказках, а также в необрядовой лирике Сибири, Архангельска и Олонецкого края показало, с одной стороны, устойчивость восприятия концепта в устно-поэтическом творчестве в целом («граница, предел»), с другой – явную семиотическую функцию в эпических текстах (разделение «своего» и «чужого» или зонирование «чужого» пространства) и преимущественно символическую, связанную с определёнными образами и ситуациями, – в лирических (открывать и запирают ворота, стоять в воротах и у ворот, выходить за ворота, вода за воротами и т.п.). Сопоставление песенных текстов, записанных на разных территориях, продемонстрировало некоторые местные особенности в характеристике объекта.

Библиографический список

Аф. – Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3-х т. / Изд. подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. М.: Наука, 1984-1985 (в примерах указывается номер текста и название сказки).

Бобунова М.А., Климас И.С. Концепт *старый* в русском эпосе [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 2 (33). С. 17–28. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3240/ (дата обращения: 20.10.2021).

Бобунова М.А., Климас И.С. Жанровое языковое единство или территориальная специфика? (репрезентация концепта *СТАРЫЙ* в народной лирике) [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 3 (38). С. 30–42. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3744/ (дата обращения: 20.10.2021).

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии. Курск: Изд-во КГУ, 2007. 258 с.

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Архангельской губернии. Курск: Изд-во КГУ, 2008. 316 с.

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Олонецкой губернии. Курск: Изд-во КГУ, 2009. 188 с.

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни: Песни Сибири. Курск: Изд-во КГУ, 2010. 176 с.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. 8-е изд. М.: Рус. язык, 1978–1980. Т. 1–4.

Климас И.С. ХОРОВОД в русском фольклоре // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В.Я. Проппа. Сборник докладов Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. С. 105–108.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 1–4.

Мифы, сказки и язычество славян [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/2-9-3-slavyanskaya-mifologiya/index.htm> (дата обращения – 15.10.2021).

Праведников С.П. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. 1. Курск: Курск. гос. ун-т, 2019₁. 245 с.

Праведников С.П. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. 2. Курск: Курск. гос. ун-т, 2019₂. 392 с.

Праведников С.П. Основы фольклорной диалектологии. Курск: Изд-во КГУ, 2010. 230 с.

СБ – Сказки, записанные в Тимском уезде. Собраны Ф. Белкиным // Труды Курского губернского статистического комитета. Курск: Типография Губернского Правления, 1863. Вып. 1. С. 518–542 (в примерах указывается номер текста и название сказки).

Соб. – Великорусские народные песни: в 7 т. / Изд. проф. А.И. Соболевским. СПб.: Гос. типография, 1895–1902. Т. 2–6.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4.

Хроленко А.Т. Основы современной филологии. М.: Флинта, 2013. 344 с.